

Все это — от начала и до конца — казалось слишком удачным совпадением, и влияние этого юноши на него было слишком сильным. Если бы Ло Вэньчэн едва не умер, Лу Чун заподозрил бы, что тот намеренно пытается к нему приблизиться.

Но при мысли о том, что этот едва перешагнувший двадцатилетие ребенок чуть не лишился жизни, в душе Лу Чуна не могло зародиться ни тени подозрения. Напротив, его переполняла тихая жалость.

Лу Чун непринужденно присел на край клумбы. Его врожденное благородство и величие создавали впечатление, будто он сидит не на холодном камне, а на дорогом кожаном диване.

Он указал на место рядом с собой: — Садись. Тебе уже лучше?

Ло Вэньчэн с некоторой робостью присел рядом:

— Врач сказал, что я могу выписываться. И еще... В ту ночь, когда меня привезли, господин Лу ведь тоже был там? Моя голова тогда была совсем не на месте, я не помню, что говорил. Если я позволил себе лишнее, прошу господина Лу меня простить.

В его памяти всплывали обрывки образов: как он обнимал этого мужчину, ища утешения, и нес какой-то бред про «вашего потерянного младшего брата». От этих воспоминаний ему становилось не по себе, его душили стыд и неловкость.

Молодой человек густо покраснел и весь сжался от тревоги.

Лу Чун не удержался от желания подразнить его:

— И чем же ты мог меня обидеть?

Ло Вэньчэн замялся, почесал указательным пальцем щеку и не нашелся что ответить.

Лу Чун втайне вздохнул. По сравнению с тем унылым и бледным существом на больничной койке, нынешний Ло Вэньчэн — такой живой и непосредственный — радовал глаз.

Он не стал продолжать эту тему и взглянул на планшет в руках юноши:

— Что ты там нарисовал?

— Просто несложные пейзажи, — Ло Вэньчэн смущенно протянул ему планшет. — Получилось не очень.

Лу Чун пролистал страницы. На них были запечатлены больничные виды: уголки сада, цветы, трава, деревья, здания и машины.

Лу Чун не был знатоком искусства, но базовым чувством прекрасного обладал. Штрихи в этих набросках были еще несколько незрелыми, но в линиях чувствовалась живая душа. Неодушевленные предметы словно обретали уникальную выразительность и ритм.

Единственным портретом был тот самый мальчик с мячом. Рисунок с семьей Ло Вэньчэн подарил, оставив себе лишь этот эскиз: всего несколько линий, черты лица прорисованы нечетко, но от этой смеющейся фигурки веяло счастьем. Чистым, концентрированным счастьем, будто весь свет мира сошелся на этом ребенке.

Однако, если вглядываться дольше, Лу Чуну начинало казаться, что сквозь радость проступает

запредельная печаль, от которой становилось трудно дышать.

Лу Чун долго молчал. Наконец он повернулся к Ло Вэньчэну:

— О чем ты думал, когда рисовал это?

Ло Вэньчэн посмотрел на рисунок:

— У этого мальчика тяжелый врожденный порок сердца. Его положили сюда ради операции, но риск очень велик. С самого детства ему нельзя было бегать, прыгать и даже громко смеяться. В тот день он впервые играл в мяч. Глядя, как он счастлив, я радовался вместе с ним, но потом подумал... может, родители привели его поиграть только потому, что боятся неудачи? Может, они просто не вынесли мысли, что в его жизни так и не будет обычных детских забав? От этой мысли мне стало невыносимо грустно.

Когда Ло Вэньчэн говорил о своем творчестве, он постепенно преображался, в нем появлялась та самая глубина и одухотворенность, которую Лу Чун заметил издали.

Юноша продолжил: — Я хотел запечатлеть его восторг, но, кажется, вложил слишком много собственных чувств. Рисунок выглядит радостным, но именно из-за того, что эта радость слишком нарочитая, возникает обратный эффект. Это плохая примета, поэтому я решил его оставить и нарисовать другой.

Он замолчал на мгновение, пришел в себя и снова смутился под взглядом Лу Чуна:

— Когда я рисую, я слишком сильно вживаюсь в образ. Господин Лу, я кажусь вам чересчур сентиментальным?

Этот растерянный, неуверенный вид...

Лу Чун едва подавил желание снова погладить его по голове. Он произнес:

— Ты рисуешь очень хорошо. — Всего пара штрихов, а такая сила убеждения. Даже будучи дилетантом, Лу Чун понимал, насколько редок подобный талант.

Он слегка нахмурился: почему в досье Ло Вэньчэна об этом не было ни слова?

В прошлом второй молодой господин семьи Ло был синонимом праздности, невежества и бездарности. Впрочем, это было объяснимо: Ло Кайфан твердо решил вырастить из него пустышку, окружил сомнительными друзьями — при таком подходе даже самый лучший росток зачахнет.

К тому же отчеты Лу Чуна отражали лишь то, каким Ло Вэньчэна видели окружающие. Кому было дело до его истинного внутреннего мира?

Лу Чун еще раз глубоко посмотрел на юношу, и его давний план окончательно созрел.

Ло Вэньчэн, услышав похвалу, застенчиво улыбнулся:

— Господин Лу, я уже совсем здоров. Лежать в больнице дальше — пустая трата времени. Могу ли я выписаться сегодня?

— Твою выписку уже наверняка оформили. У тебя есть вещи, которые нужно забрать? Если да — поднимись за ними, и поедем.

— А? — Ло Вэньчэн впал в ступор. Уже оформили?

Но главным было не это. Главным было:

— Поедем? Куда?

— Пойдешь со мной — и всё узнаешь. — Лу Чун встал, глядя на Ло Вэньчэна с легкой улыбкой.

Он и так был необычайно красив, а когда вот так смотрел сверху вниз — благородный, статный, с глубоким, волнующим взглядом — его обаяние становилось почти невыносимым.

Ло Вэньчэн замер на секунду и отвел взгляд, чувствуя, как краснеют щеки. Когда этот человек был холоден, он пугал, но когда улыбался... это было чересчур.

— Я... я пойду соберусь, — сказал он и поспешил в здание.

Вещей у него было немного: одежда, купленная Лю Вэйчжи, и рюкзак, который ему привезли из гостиницы.

В палате сиделка наводила порядок.

Увидев его, она улыбнулась: — Вернулся, парень?

Ло Вэньчэн вежливо кивнул:

— Я выписываюсь. Спасибо за вашу заботу в эти дни.

— Выписываешься? Вот и славно! Тебе помочь с вещами? — Получив вежливый отказ, сиделка тактично вышла.

Как только дверь закрылась, улыбка Ло Вэньчэна медленно растаяла. Он подошел к окну шестого этажа и посмотрел вниз — как раз туда, где они только что сидели с Лу Чуном.

Его лицо стало бесстрастным, взгляд — холодным, но в голове словно спорили два человека.

Один размахивал флагами и радостно кричал: «Победа! Ты ему явно нравишься! Первый шаг сделан безупречно!»

Другой же, скрестив руки на груди, издевательски усмехался: «Ло Вэньчэн, посмотри на себя. Строишь из себя дурачка, заискиваешь, лезешь из кожи вон, чтобы ублажить этого мужчину. Рад? Что дальше — прыгнешь к нему в постель? Чем ты тогда лучше Ло Вэньцзюня? Неужели ты переродился только для того, чтобы стать чьим-то прихвостнем?»

Ло Вэньчэн стоял долго.

Наконец уголки его губ тронула ледяная усмешка:

— Ну и что?

— И пусть я продажный. Пусть лицемерный. Пусть позорный. Разве без этого я жил бы хорошо? Нет.

— У меня нет целой жизни впереди. У меня остался всего один год.

Нет, даже меньше — одиннадцать месяцев.

Семья Ло казалась ему непобедимым монстром, но для Лу Чуна они были лишь пылью, которую можно смахнуть одним движением руки. Если Лу Чун даст ему власть над их жизнями, если Лу Чун сделает так, что они, ненавидя его до смерти, не смогут даже коснуться его пальцем и будут вынуждены лебезить перед ним — что с того, если придется заискивать? Что с того, если придется торговать телом?

Чтобы выплеснуть ту ярость, что копилась в нем в прошлой жизни десять лет, он пойдет на всё.

Он не чувствовал стыда и не собирался просить прощения. Жизнь — это просто череда сделок и интересов.

Единственное, что его удивило — Лу Чуна оказалось на редкость легко покорить. Кажется, он добрый человек. Быть его любовником, иметь такого покровителя — не самая худшая участь.

Интересно только, относится ли он так же к Ло Вэньцзюню и остальным своим пассиям.

Ло Вэньчэн достал из рюкзака завернутый в платок бумажник — тот самый, что Лу Чун дал ему на мосту. Он посмотрел на него пару секунд и швырнул в мусорное ведро, словно выбрасывая мимолетную, до абсурда нелепую надежду.

<http://bllate.org/book/17205/1611455>